Первой стадией после Касания, и первой вообще, если не считать нулевую, была стадия Девяти Рун. Либо же Дао Рун, либо же... Впрочем, всё это не важно, а важна только сама суть, и она находится в Рунах, которые воин накладывает на своё Колесо, обретая таким образом всё большую и большую силу. За каждой Руной стоит одно какое-то своё Дао, например, Дао Пламени, или Смерти, или Разрушения, и каждая Руна, пусть очень ограничено, но позволяет воину использовать это Дао, причём с каждой последующей сила всех прошлых Рун растёт в геометрической прогрессии, и если только с одной, дарующей Дао «Остроты», воин мог порубить разве что дерево, то уже к восьмой он мог резать сталь как бумагу.

Всего же Рун могло быть не больше девяти, но собрать полный комплект было далеко не просто. Каждое новое Дао вносит определённый дисбаланс в Звёздное Колесо, оказывает на него давление, и если культиватор не может удерживать баланс между ними, то уже Руне на пятой его ждёт прискорбная кончина... Чтобы вынести больше, у воина должен быть талант.

К примеру, чтобы называться человеком с определённым потенциалам, а не совсем мусором, которого и кормить то жалко, нужно держать хотя бы семь Рун. Восемь — это уже вполне себе дарование. Девять — великолепно, настоящий гений, наследник великого клана. А десять... Десяти рун быть не может, максимум девять. Но точно так же как у человека только две руки и две ноги, хотя встречаются один на миллиард люди трёхрукие, так и тут. Был один воин, один на семьсот миллиардов населения Федерации, у которого было десять Рун...

— Но на меня не равняйся, — сказал Фан Линь. — Мне тогда просто повезло.

Мужчина расслаблялся в вязком, как будто специально для него нагретом лучами солнца кресле, и смотрел на Маю, которая стояла рядом, ноги на ширине плеч...

Первое касание, действительно... Как ни разглядывал мужчина тощую девочку в лучах закатного солнце, она была уже на стадии Первого касания. Железно. И причём она не знала, как так вышло и что именно тронуло её Дао. И ещё, если так подумать, когда это она успела открыть своё Звёздное Колесо? Фан Линь научил её мантре совсем недавно, всего несколько часов назад. Мантра была хорошая, но даже человеку гениальному нужно было время, чтобы её усвоить... Впрочем, если девчонка была родом из большого клана, вполне вероятно, что у неё даже молоко в рожке было с примесью Духовной энергией; возможно сама мантра послужила всего лишь последним толчком для открытия Колеса.

Но да нет смысла о таком думать:

— В общем, с тобой мы будем целиться в Девять рун. Десятую я бы не получил, даже если бы сам начал сейчас заново культивировать.

— Нет, Мастер, — вдруг возразила Мая.

— Чего нет? Хочешь десять? А не лопнешь?

— Нет, вы... Вы бы получили все Десять рун, потому что... На стороне настоящего гения всегда есть удача. Я уверена, Небеса на вашей стороне.

— ...Возможно, — кивнул Фан Линь, наблюдая неловкий свет в глазах девочки и опуская подбородок на ладонь. Мужчина задумался и прошептал сам себе:

— Но если это была небесная удача, я бы жизнь отдал, чтобы Небо забрало её назад.

— А? — Мая растерялась, на что Фан Линь махнул рукой и после вздоха продолжил свою

лекцию:

— Руны могут быть разного качества, но ты это знаешь, наверное. Чёрные, красные и белые…

Градация по цвету была не просто так. Чёрные Руны были ближе всего к смертному, к праху, низменному и материальному. В них слабее всего было Небесного Дао. Красные были уже получше, а белые — Небесным пределом. Ну и наконец были разноцветные Руны — они не были ограничены ничем и представляли собою Дао в чистейшем его олицетворении… У Фан Линя все Руны были такими. Как конфетки.

— Тут тоже вот тебе совет — не пытайся собрать самые лучшие. Пустая трата времени. Качество зависит от того, как сильно ты ломаешь голову над своим Дао. Тут и время важно, и удача, и талант. Но перфекционизм опасен — может привести к обсессии. Есть вполне себе воины, которые могли бы давно сделать своё Дао Сердце, но вместе этого сорок с лишним лет пытаются собрать все Руны идеально… Тч… И кстати… А, впрочем, ладно, — Фан Линь опёрся щекой о кулак. На самом деле весь этот рассказ про обсессии и прочее он говорил не по своему опыту, а из общих постулатов, которые можно было найти в любом учебнике. Сам мужчина ни с чем таким не сталкивался.

Ведь был гением…

«И похоже теперь это проблема», проговорил про себя Фан Линь. В своё время у него всё получалось по наитию. У него не было опыта ошибок, столь необходимого, чтобы набраться мудрости, которую можно было бы передать другим. Да, мудрости, подумал мужчина. Мудрый человек ошибается, но учится на ошибках, и впредь их избегает. Человек же умный, гений, не ошибается, у него всё выходит сразу, с первой попытке, ему нечему учиться, а если ты не учишься — чему ты можешь научить? Нельзя рассказать дорогу, которую ты прошёл с закрытыми глазами и не споткнувшись ни об одну кочку — твои советы никому не помогут…

Меж тем у девочки энтузиазм бил просто через край. По её глазам, напряжённым, но где-то в глубине радостным и взволнованным, по её сжатым губкам Фан Линь видел, — она чудесная ученица. Ей нужен был чудесный Мастер, а он…

«А я и не просился учить…» Фан Линь откинулся в кресло и уставился в потолок. Сперва мужчина смотрел просто так; потом он начал вспоминать и вскоре погрузился в дали своей памяти. Тикали часики номера, гуще становился цвет солнца, темнея как желток, оставленный на сковородке. Мая смиренно стояла на месте, но вот прозвучал голос, и девочка навострила уши:

— Зачем ты культивируешь? — спросил Фан Линь.

— И не говори, потому что так делают все. Потому что в нашем мире это надо. Не нужно. Человеку просто ничего не нужно. Скажи, зачем именно тебе это?

Мая хотела ответить сразу, но потом надолго задумалась.

— Я… — протянула девочка, невольно хватая кисть одной руки другой. — Я хочу уничтожить мою семью… — прошептала она и опустила голову. Наступило молчание. Долгое молчание, в котором громко отдавалось нежное дыхание девочки, взволнованное и как будто облегчённое. Мая будто сбросила с себя тяжкий груз. Она закрыла глаза и расслабленно выдохнула.

Фан Линь, следивший за ней краем глаз, тихо кивнул.

— Хорошо, — а потом добавил. — Хорошо, когда есть цель. Знай, куда ты идёшь, и дорога... Дао найдётся, — повторил он вовсе не свои слова и улыбнулся.

— Ну ладно, хватит на сегодня. Отбой, — сказал мужчина и разминаясь поднялся на свои скрипучие ноги со скрипучего кресла. Фан Линь оглядел небольшую комнату. Потом посмотрел на пусть двуспальную, но единственную в ней кровать. Мая тоже посмотрела на неё и смутилась:

— Я... Я посплю на полу...

— Не нужно, — отмахнулся Фан Линь и завалился на белые простыни. Всё тело мужчины вдруг заныло болезненно-сладким онемением.

А девочка зависла посреди комнаты. Мужчина хотел было её проигнорировать, но в итоге не выдержал, приподнял спину на подушку и показал на кресло:

— На нём спи, ты поместишься, — а старичку надо в кровать, добавил про себя мужчина.

Мая сразу кивнула, покраснела и убежала в ванную. Вернулась девочка спустя всего минуту.

Она залезла на кресло.

Наступила тишина.

Солнце совсем уже упало за далёкие небоскрёбы, и небо в большинстве своём было тёмным. Там, далеко на горизонте, зажигались уже окна и вывески старого города, в то время как в маленькой тепличке спального района было вполне себе темно. Когда Фан Линь закрывал глаза, перед ним стоял сплошной мрак — нежная и ласковая мгла. Но несмотря на это, заснуть у мужчины не получалось. У него ныл бок, ныла спина... Всё его тело, которым он едва ли мог пошевелить, после того как бросил его на кровать, изнывало от старых болячек, от самой старости.

Это было нестерпимо.

Мужчина думал даже спросить девочку, а не завалялась ли внутри её меча, который служил заодно и Артефактом для хранения всячины, снотворных пилюль. Он мучился ещё, наверное, час, переворачиваясь с бока на бок, но заснуть не выходило, как будто его тело тяжёлым и ржавым якорем держало его за границей нежного мира забвения.

Казалось бы, думал Фан Линь. Прошло тридцать лет. За тридцать лет можно смириться, особенно если другое ты знал всего три года. Но он не смог. Не смог привыкнуть к своей слабости и к своему убожеству, не смог привыкнуть засыпать в смертном теле.

На ладони мужчины зачесался и заныл старый ожог. Линь Фан вспомнил, как получил его. Давным-давно он случайно коснулся раскалённой плиты и сразу одёрнул руку. Ладонь мужчины тогда охватила страшная боль. А потом на него что-то нашло, какая-то ярость, ненависть к своему телу, которое раньше могло шагать по звезде, а теперь было таким жалким, и он целую минуту держал ладонь у раскалённой стали, пока всё его тело не охватили судороги, а кровь с разодранных губ не закапала на пол...

Фан Линь однажды коснулся небес. Ему было отвратно жить по шею в прахе.

Но ничего — подумал мужчина, улыбаясь жалкой улыбкой. Ничего. Сколько сказала

Императрица ему осталось? Семь лет? И всё?

И всё…

Густая темнота вокруг Фан Линя вдруг изменилась. Она перестала быть нежной, но стала глубокой как сквозящая в никуда бездна. Мужчина уже думал ей отдаться, как вдруг услышал что-то в тишине. Тихое дыхание. Тихое, тихое сопение где-то в комнате. Он прислушался к нему, и постепенно бездна исчезла, его душа успокоилась, и мужчина оказался в состоянии нежного, но тяжёлого дрёма. Фан Линь спускался всё ниже в глубины своего сознания. Вдруг мужчина подумал, засыпая: а что если это не эликсиры? Что если у девочки и вправду ушло всего несколько часов, или даже меньше, чтобы с нуля открыть своё Звездное Колесо? Глупость конечно, это невозможно, но если…

Если…

Мужчине оставалось семь лет. Звёздный Владыка не мог его спасти, не мог и Дао Магистр, но может Дао Предок сможет? Семь лет…

Улыбаясь своей глупой фантазии, Фан Линь медленно поднимался в небеса сновидений.

http://tl.rulate.ru/book/52126/1365378